

на руку передѣлъ. Явились два молодца. «Что, говорятъ, вамъ угодно?»—Мнѣ угодно: перевезите вотъ изъ эдакаго-то царства царевну съ эдакимъ-то принцемъ вмѣстѣ съ домомъ.—Тѣ тотчасъ перевезли. Царь утромъ на балконъ выходитъ. «Что такое значить? Опять домъ намѣстѣ стоитъ!» Ванюшка сейчасъ къ царю приходитъ. «Пожалуйте, говоритъ, посмотрите, что ваша дочь дѣлаетъ!» Царь приходитъ: она спитъ съ принцемъ. «Дочь, говоритъ, моя; воля не моя. Что хочешь, то и дѣлай съ ней.» Онъ этого принца отправилъ домой.

(Записана мной въ с. Плугаловѣ, Зарайскаго уѣзда).

МИЛАНЪ ЦАРЕВИЧЬ И КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, да не въ нашемъ государствѣ, жилъ-былъ царь; у него былъ сынъ въ лѣтахъ, собою пригожій красавецъ. Пришла пора ему жениться и сталъ онъ говорить своему отцу: «батюшка! пусти меня постранствовать по нашему царству, не найду ли я себѣ невѣсты по сердцу.» Отецъ согласился. Сынъ поѣхалъ и пріѣзжаетъ въ одинъ городъ, а въ этомъ городѣ былъ обычай: кто имѣлъ у себя дочь невѣсту, тотъ не показывалъ ее никому и не выпускалъ никуда, а портретъ ея выставлялъ на воротахъ. Вотъ ходитъ царевичъ по городу (а его звали Миланомъ царевичемъ), смотритъ на портреты и ни одинъ ему не нравится. Весь городъ исходилъ, ни одного портрета не нашелъ себѣ по сердцу. Есть хорошіе, да не нравятся.

Вотъ зашелъ онъ въ одинъ глухой переулочекъ. Стоитъ въ этомъ переулкѣ домъ и на воротахъ этого дома виситъ портретъ такой необыкновенной красоты, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. И понравился очень этотъ портретъ Милану царевичу. Приходитъ онъ на свою квартиру и спрашиваетъ хозяйку: чей это домъ? Хозяйка и говоритъ ему: «жи-

ветъ въ этомъ домѣ богатый купецъ и имѣетъ онъ въ третьемъ этажѣ въ свѣтелкѣ дочь въ заперти, необыкновенную красавицу, и не выпускаетъ онъ эту дочь никуда и не позволяетъ никому видѣть ее.» Грустно стало Милану царевичу и сталъ онъ просить хозяйку, чтобы какъ нибудь она дала ему случай видѣть ее. Хозяйка отговаривалась долго, а наконецъ за тысячу рублей согласилась и говоритъ ему (А ѣздилъ-то онъ не подъ своимъ именемъ, а подъ именемъ купеческаго сына): «ну, вотъ что, говоритъ, купеческій сынокъ: запру я тебя въ сундукъ, сдѣлаю въ этомъ сундукѣ скважину, отвезу тебя, поставлю въ ея спальню. Ты, сколько хочешь, и гляди на нее да смотри, чтобъ никто не слыхалъ, а то плохо будетъ. А я имъ скажу, что на три дня уѣду изъ города, то пусть, дескать, у васъ постоитъ сундукъ до моего пріѣзда, а то дома, пожалуй, воры унесутъ.» Такъ и сдѣлали.

Привезла хозяйка сундукъ къ купцу и говоритъ: «не оставь, родной отецъ! сдѣлай милость, поставь сундучишко съ товаришкомъ у себя въ домѣ до моего пріѣзда.» А хозяйка-то его (Милана царевича) была торговка; значитъ, имѣла случай бывать въ каждомъ домѣ. Купецъ на первый разъ не согласился, говоритъ, что негдѣ поставить. Торговка стала просить его позволить поставить хотя въ свѣтелкѣ у дочери: тамъ, дескать, почти пустая комната. Купецъ согласился. Поставили сундукъ къ дочери въ свѣтелку; торговка уѣхала.

Сидитъ Миланъ царевичъ въ сундукѣ и любитъ красотою дѣвицы, не терпитъ ему, такъ и хочется вылѣзть оттуда и разцѣловать красавицу. Пришла ночь. Принесли красавицѣ ужинать и заперли ее на ночь. Не вытерпѣлъ Миланъ царевичъ, приподнялъ крышку, высочилъ въ свѣтлицу. Хотѣла она вскрикнуть, но онъ ее успокоилъ, рассказалъ

ей, кто онъ, зачѣмъ сюда попалъ и что хочетъ ее взять за себя за мужъ. Она ему повѣрила.... Прошла ночь и царевичъ опять спрятался въ сундукъ. Такимъ манеромъ выходилъ онъ къ ней эти дни; невидно, какъ и пролетѣли два дня; пришелъ срокъ. «Нареченная моя невѣста! — говоритъ въ послѣдній разъ Миланъ царевичъ — прости теперь, я уѣду въ свое царство, уговорю батюшку и женюсь на тебѣ, а если безъ меня родится у тебя, такъ вотъ этимъ бриліантовымъ крестомъ благослови его!» Сказалъ онъ это ей, простился и улѣзъ въ сундукъ.

Приходитъ полдень. Явилась торговка за своимъ сундукомъ. Заплакала красавица; жаль стало ей съ сундукомъ разставаться; стала просить торговку оставить сундукъ у ней, говорить, что онъ очень ей понравился. Но торговка ее не послушала; взвалила сундукъ на лошадь и увезла домой. Уѣхалъ Миланъ царевичъ домой, на родину. Прошелъ годъ и онъ забылъ о своей невѣстѣ.

А между тѣмъ у ней родился сынъ, красавецъ красавецъ, и назвала его она Дмитріемъ, благословила его бриліантовымъ крестомъ и надѣла крестъ ему на шею. Отецъ *посергалъ*, потужилъ о дочери и взялъ его къ себѣ на воспитанье, а въ народѣ распустилъ молву, что онъ привезъ себѣ изъ инаго города сироту одинокаго и кормить его. Прошло не малое время. Подрось воспитанникъ, сталъ ходить въ дѣдушкину лавку торговать и торговалъ очень хорошо. Сосѣди начали ему завидовать, начали смѣяться надъ нимъ, что онъ незаконнорожденный. Митя невытерпѣлъ, пришелъ, пожаловался матери. «Дорогой ты мой сынъ! видно, не судьба тебѣ торговать здѣсь; возьми ты товару у дѣдушки и поѣзжай торговать въ другой городъ.» Такъ и сдѣлали.

Дѣдъ нагрузилъ ему цѣлый корабль товару, далъ ему

прикащиковъ и поѣхалъ сынъ (а ему было ужь лѣтъ 17), куда судьба приведетъ. Долго ли, коротко ли ѣхали они, пріѣхали въ одинъ городъ. Назвался этотъ юноша Дмитриемъ Васильевичемъ и построилъ себѣ въ этомъ городѣ лавку. Не успѣлъ онъ выстроить лавку, какъ народу видимо — невидимо приходятъ къ нему; не столько покупаютъ по нуждѣ, сколько чтобъ полюбоваться на красоту еѣ. А этотъ городъ былъ столицей: и царствовалъ тутъ молодой царь съ царицей.

Дошли до этой царицы слухи, что въ ея городѣ торгуетъ какой-то пріѣзжій купецъ красоты необыкновенной. Захотѣлось ей посмотрѣть этого купца. Приказала она заложить карету и поѣхала въ лавку. Пріѣзжаетъ, стала покупать безъ всякой нужды всякихъ различныхъ матерій: молодой купецъ такъ передъ ней и разсыпается на словахъ. Набрала она у него товару на тридцать тысячъ. Пришло время расчитаться; она и говоритъ ему, чтобъ въ тотъ же день пришелъ во дворецъ въ 9 часовъ вечера расчитаться за товаръ. Уѣхала царица изъ лавки.

Пріѣзжаетъ домой, выпросила у царя указъ, что «если кто будетъ ходить по городу позднѣе 11-ти часовъ ночи, того на другой день казнить на площади». Приходитъ 9 часовъ. Услала царица своего мужа на всю ночь въ сенатъ дѣла рѣшать, а сама въ спальнѣ своей осталась одна. Приходитъ молодой купецъ деньги получать. Привели его въ царицину спальню. «Я, говоритъ, по вашему приказанью, ваше величество, пришелъ деньги получить». Она его посадила, угостила, начала обо всемъ спрашивать. Незамѣтно прошло время до 11-ти часовъ. Купецъ началъ просить деньги; она говоритъ, что денегъ нѣтъ теперь, а будутъ завтра. Купецъ хотѣлъ идти домой, она его удержала и показала ему указъ. Купецъ началъ печалиться: что же, го-

ворить, мнѣ теперь дѣлать? — «Останься ночевать у меня», говоритъ царица. Дѣлать было нечего, остался, ночевалъ.

Всталъ онъ рано утромъ; царица наказала ему, чтобы онъ опять приходилъ въ 9 часовъ вечера. Такимъ манеромъ онъ каждый день ходилъ получать деньги. Но такъ явно ходить было нельзя, царица приказала по секрету сдѣлать подземный ходъ изъ своей спальни къ купцу въ лавку. Такимъ манеромъ они каждый день являлись другъ къ другу видаться.

А въ это время, по указу, никто не смѣлъ ходить по городу позднѣе 11 часовъ ночи. Однажды одинъ пьяница забоялся въ кабацѣ долго и вышелъ изъ него ужъ въ двѣнадцатомъ часу. Сейчасъ откуда ни возьмись солдаты, бросились за нимъ догонять его. Онъ видитъ, что дѣло плохо, побѣжалъ къ лавкѣ того купца, что къ царицѣ-то ходилъ; сталъ стучаться. Прикащикъ услышалъ, отперъ, впустилъ его. «Что ты, говоритъ, за человѣкъ?» Тотъ разсказалъ ему, просится ночевать: «поймаютъ меня солдаты, завтра безъ вины сказнятъ». Жалко стало молодому хозяину пьяницу, пустилъ онъ его ночевать въ лавкѣ. Послалъ себѣ пьяница на прилавкѣ свою шубу, легъ. Противъ прилавка была стеклянная дверь въ спальню къ молодому хозяину. Въ это время молодой купецъ сидѣлъ въ своей спальнѣ противъ стеклянной двери, повѣрялъ счеты. Не спалось пьяному. Отъ нечего дѣлать, лежа смотреть какъ хозяинъ пишетъ счеты.

Вдругъ откуда не возьмись, явилась къ нему молодая красавица, начала обнимать его, цѣловать. «Что, спрашиваетъ, у тебя здѣсь нѣтъ никого?» — Никого, говоритъ: есть, говоритъ, одинъ пьяница, да онъ спитъ теперь. Дался диву пьяный; перекрестился, смотритъ: что за диво? Всѣ двери на заперти, а она явилась, точно изъ земли выросла.

Всталъ тихопъко, подошелъ на ципочкахъ къ дверямъ, смотритъ. «Да это, думаетъ, наша царица! Ладно!» Легъ опять, проспался. Встаетъ по утру, поблагодарилъ хозяина и ушелъ изъ лавки.

На этотъ же день опять заболтался этотъ пьяница въ кабакъ нарочно до 12 часу ночи; только вышелъ изъ кабака, солдаты схватили его и повели въ тюрьму. На другой день приготовили висѣлицу, повели его на казнь. Онъ и говоритъ: «постойте, не казните меня; дайте мнѣ въ послѣдній разъ поговорить съ царемъ *по тайности*». Доложили царю. Царь пришелъ къ пьяницѣ, началъ съ нимъ говорить. «Вотъ такъ и такъ, говоритъ; твоя жена ходитъ къ такому-то купцу. Я за ней подсматривалъ, а меня за это казнить хотятъ. А если ты, говоритъ, не вѣришь мнѣ, то надѣнь послѣ простое платье и пойдѣмъ вмѣстѣ; я покажу тебѣ.» Царь сперва не вѣрилъ, но потомъ согласился, освободилъ его отъ казни.

Приходитъ ночь. Нарядился царь въ простое, изодранное платье, взялъ съ собой пьяницу; пошли въ кабакъ. Проболтались тамъ до полночи. Только вышли изъ кабака, сторожа и хотятъ ихъ схватить. Пустились они бѣжать; прибѣгаютъ къ лавкѣ молодаго купца; постучались; ихъ впустили. Легли они спать на прилавкѣ; лежатъ да въ дверь глядятъ. Вдругъ явилась къ молодому купцу царица, стала его обнимать, цѣловать; вдругъ дверь отворилась, царь и поймалъ ихъ. Царица испугалась. А царь послалъ пьяницу за стражею и взялъ ихъ во дворецъ подъ стражу.

На другой день потребовалъ къ себѣ молодаго купца. «Кто, говоритъ, ты такой?»—Я, говоритъ, сынъ такой-то купеческой дочери; отца своего знаю только по кресту, которымъ онъ благословилъ меня. — Снялъ съ шеи крестъ, подалъ царю. Царь и узналъ крестъ-то. «Вѣдь, это мой крестъ, го-

ворить. Ты, вѣдь, мой сынъ!» Сталъ онъ его обнимать, сталъ спрашивать, гдѣ и какъ живетъ мать его. Тотъ все рассказалъ. Надѣлилъ его царь подарками, поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ къ матери, а царицу свою оставилъ подъ стражею. Приѣхалъ въ этотъ городъ, гдѣ жила мать его; а она все сокрушалась о своемъ нарѣченномъ женихѣ и о своемъ сынѣ. Вотъ вдругъ они приѣхали; она очень обрадовалась. Царь сталъ у ней просить прощенія; она простила его. Онъ взялъ ее въ свое царство, обвѣнчался на ней. На вѣселицѣ, на которой хотѣли пьяницу вѣсить, прежнюю царицу повѣсили. А съ этой женой царь сталъ жить да поживать.

(Записана С. И. Бочарниковымъ въ г. Зарайскѣ).

94.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ былъ купецъ, по имени Кирилъ Федоровичъ. У этого купца родился сынъ Николай. Слыхалъ этотъ купецъ, что за моремъ учить одинъ учитель разнымъ наукамъ. Вотъ этотъ купецъ захотѣлъ отдать и своего сына. Повезъ и отдалъ его этому учителю на семь лѣтъ. Вотъ прошло три года; купецъ и пишетъ письмо, какъ учится его сынъ; а учитель его и пишетъ обратно: «твой сынъ болванъ, дуракъ безтолковый; ничего не понимаетъ.» Онъ (учитель) ему (отцу) не показывалъ, что онъ (сынъ) очень понятенъ.

Одинъ разъ этотъ мальчикъ ходилъ и увидалъ, что въ саду построенъ домъ; изъ этого дома изъ окна выпустилъ этотъ учитель двѣнадцать молодцевъ, обернутыхъ соколами. Этотъ мальчикъ и сдѣлалъ къ этому дому ключи къ шкафу; вынулъ оттуда книги и сталъ учиться. Учился онъ такъ, что лучше своего учителя выучился. Прошло шесть съ поло-